

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. (доверенность от 19.01.2021 № ... без права передоверия, действительна до 31 декабря 2021 года), адвоката С., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 01 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 05.07.2021) и представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021) о прекращении статуса адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 04 августа 2021 года дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве (далее - ГУ МЮ РФ по Москве) от 01 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 05.07.2021) о прекращении статуса адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), необходимо прекратить вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по представлению ГУ МЮ РФ по Москве от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021), о прекращении статуса адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В Совет адвокатской палаты города Москвы от представителя ГУ МЮ РФ по Москве Е. поступили письменные возражения от 22.09.2021 № ... на указанное Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 23.09.2021). В «Возражениях» указано, что вопреки доводам Заключения

Квалификационной комиссии в представлениях ГУ МЮ РФ по Москве приводятся конкретные данные о нарушении адвокатом С. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. Так, в представлении от 01.07.2021 говорится о необходимости оценки необоснованных и некорректных заявлений С. на заседаниях М. городской Думы на предмет соответствия требованиям Кодекса профессиональной этики адвоката, в частности, п. 4 ст. 9. Там же ставится вопрос об оценке действий С., направленных к подрыву доверия, а именно: участия 23.01.2021 в публичном массовом мероприятии в центральной части города Москвы, сочетающим формы митинга, пикетирования и шествия, несогласованном с органами исполнительной власти города Москвы, то есть без законных на то оснований, в связи с чем С. 22.03.2021 Т. районным судом г. Москвы назначено наказание по ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 20.000 рублей.

Однако Квалификационная комиссия не оценила стенограммы заседаний М. городской Думы и протокол об административном правонарушении как доказательства, не проверила факты нарушения адвокатом С. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и не дала им оценки.

Автор «Возражений» не соглашается с доводом о том, что данных, свидетельствующих об участии в данной акции С. в качестве адвоката, не представлено.

Возражения также заявлены против довода Квалификационной комиссии о том, что положения п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката не могут распространяться на участников дисциплинарного производства.

В «Возражениях» указывается, что представление *«подписано и содержит все необходимые реквизиты, указанные в статье 20 Кодекса профессиональной этики адвоката»*. Представления о возбуждении дисциплинарного производства или о прекращении статуса адвоката, внесенные ГУ МЮ РФ по Москве в Адвокатскую палату г. Москвы, являются основаниями для возбуждения дисциплинарного производства и последующей оценки всех приложенных доказательств и проверке выдвинутых дисциплинарных обвинений на заседании Квалификационной комиссии.

По этим основаниям представитель заявителя просит направить дисциплинарное производство в отношении адвоката С. Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

В заседании Совета представитель ГУ МЮ РФ по Москве Е. подтвердила получение Заключение Квалификационной комиссии и его изучение. Указала, что представления поддерживает, а также поддерживает свои «Возражения» от 04 августа 2021 года на Заключение Квалификационной комиссии.

На вопрос о том, считает ли она возможным для органов адвокатской корпорации оценивать депутатскую деятельность, пояснила, что, как указано

в её «Возражениях», стенограммы заседаний М. городской Думы не исследовались Квалификационной комиссией, и она считает, что их надо было исследовать, и если там содержались некорректные высказывания адвоката С., то они должны быть оценены с точки зрения Кодекса профессиональной этики адвоката, что входит в компетенцию Квалификационной комиссии. И нельзя разграничивать в данном случае, что одни некорректные высказывания - как депутата, а другие, более корректные, как адвоката. Статус адвоката С. в тот момент и до настоящего времени не прекращался и не приостанавливался. Следовательно, любые некорректные высказывания при всех, любых обстоятельствах, должны были быть оценены с точки зрения Кодекса профессиональной этики адвоката.

Ей неизвестно, было ли обращение в отношении С. в комиссию по этике М. городской Думы, которая оценивает поведение депутатов. Судя по приложенным протоколам и стенограммам заседаний, председательствующий на заседании М. городской Думы неоднократно делал замечания С. в рамках регламента.

Комментируя пояснения адвоката С., представитель ГУ МЮ РФ по Москве Е. обратила внимание Совета на то, что на странице 20 Заключения Квалификационной комиссии опровергаются доводы адвоката С. о том, что ему на момент разглашения материалов дисциплинарного производства не было известно о возбуждении дисциплинарного производства. Это подтверждается информацией, сообщенной самим адвокатом С. в своём видеообращении на 6 минуте 7 секунде, где он сам признается, что получил уведомление о возбуждении дисциплинарного дела.

Далее Е. уточнила, что по результатам рассмотрения Заключения Квалификационной комиссии ГУ МЮ РФ по Москве *«просит вынести меру ответственности в виде прекращения статуса»*.

Отвечая на вопрос о том, как в подобной ситуации разделить действия, подпадающие под действие Кодекса профессиональной этики адвоката и Этического кодекса депутата М. городской Думы, представитель ГУ МЮ РФ по Москве Е. заявила: *«Я не уполномочена высказывать официальную позицию от Главного управления по поводу заданного вопроса, считаю, что он не относится к данному дисциплинарному производству, а относится больше к теоретическим вопросам в области адвокатуры. Поэтому, я думаю, мы не будем тратить на это время»*.

В заседании Совета адвокат С. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, с ним ознакомился и с выводами согласен. Также он пояснил, что в рассматриваемых его действиях никакой связи между депутатской и адвокатской деятельностью нет, все они совершены им только как депутатом М. городской Думы, смешения и использования депутатских полномочий в адвокатской деятельности он не допускал. Его очень удивил довод представления о том, что он направлял адвокатские запросы как депутат. Естественно, он этого не делал. Как депутат, он направлял только депутатские запросы в отношении людей, которые к нему обращались как к депутату, а по делам своих доверителей ни одного

депутатского запроса не направлял, равно как и в отношении доверителей своих партнеров по адвокатской деятельности.

О выступлении на канале YouTube с рассказом об обращении органов юстиции пояснил, что комментировал конкретно представление ГУ Минюста по Москве и письмо Министерства юстиции РФ как отдельные самостоятельные документы, исходящие от органов власти, и на тот момент ему не было известно, какое принято решение по нему: возбуждено дисциплинарное производство или нет. Он был уведомлен об этом позднее. Никакие материалы дисциплинарного производства он не комментировал и не разглашал.

Отвечая на заданные ему вопросы, адвокат С. пояснил, что решение суда об административном штрафе за участие в массовом мероприятии им обжаловалось в М. городской суд, который оставил его без изменения, и сейчас он обратился в ЕСПЧ. В кассационном порядке решение не обжаловал, так как считает это бесполезным, хорошо зная практику по «митинговым» делам.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признаёт фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако полагает необходимым изменить одно из оснований прекращения дисциплинарного производства.

Так, установлено, что поводом для внесения ГУ МЮ РФ по Москве представления от 01 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 05.07.2021) явилось поручение заместителя Министра юстиции РФ от 06 мая 2021 года, в котором предлагалось оценить действия депутата С. на заседаниях М. городской Думы при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей, где депутат С. задавал председателю М. городского суда Е., представлявшей кандидатуры к соответствующему назначению, вопросы по уголовным делам, в которых он, возможно, принимал участие в качестве адвоката, а также иные вопросы, связанные с осуществлением адвокатской деятельности.

Дисциплинарные нарушения адвоката С., согласно представлению от 01 июля 2021 года № ..., заключались в том, что он, будучи депутатом М. городской Думы и одновременно с этим обладая статусом адвоката:

- участвуя в качестве депутата на заседаниях М. городской Думы от 30 октября 2019 года, 20 ноября 2019 года, 11 декабря 2019 года и 19 февраля 2020 года при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей в городе М. на ряд судебных участков допускал необоснованные заявления в адрес судей, судебных процедур и решений, не связанные с рассматриваемым вопросом повестки дня, служащие цели создания негативного мнения у присутствующих о деятельности судей и правоохранительных органов Российской Федерации;

- направлял в органы государственной власти и различные организации депутатские запросы, связанные с допуском адвокатов к задержанным лицам

и защитой интересов избирателей не только избирательного округа № ..., от которого он избран депутатом;

- совершил правонарушение, за которое затем был привлечен Т. районным судом города Москвы к административной ответственности, а именно 23 января 2021 года в период с 13.00 час до 19.00 час. в центральной части города Москвы принял участие в публичном массовом мероприятии в сочетании форм митинга (скандируя лозунги тематического содержания), пикетирования (используя средства наглядной агитации плакаты с надписями тематического содержания) и шествия (следуя по маршрутам: Пушкинская площадь – Страстной бульвар – Петровский бульвар – Трубная площадь, далее по Цветному бульвару к станции Московского метрополитена «Цветной бульвар»), не согласованном с органами исполнительной власти города Москвы, с количеством участников около 5.000 человек.

Кроме того, в дополнительно поступившем представлении ГУ МЮ РФ по Москве от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021) указано, что адвокат С. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «YouTube» 19 июля 2021 года разместил видеообращение под заголовком: *«Депутата С. уничтожают! Месть за Н.?»*, в котором он придает гласности документы, составляющие материалы дисциплинарного производства, и призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию в защиту своих интересов. Однако в соответствии с п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката разглашение материалов дисциплинарного производства не допускается.

Рассматривая дисциплинарные обвинения, выдвинутые против адвоката С., Совет в первую очередь обращает внимание на то, что инкриминируемые ему заявителем действия осуществлены С. в качестве депутата законодательного органа столицы без какой-либо связи с его адвокатским статусом и адвокатской деятельностью.

Кодекс профессиональной этики адвоката в п.5 ст.9 указывает, что *«В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения»*. При этом, согласно Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 г. № 02/18 *«По вопросам применения п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката»*, поведение адвоката вне профессиональной деятельности, которое наносит ущерб авторитету адвокатуры или подрывает доверие к ней, может квалифицироваться органами адвокатского самоуправления в качестве нарушения правил профессиональной этики **при условии, что принадлежность такого лица к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (здесь и далее выделено Советом)**. Однако в представленных заявителем материалах нет доказательств того, что поведение С. носило характер

адвокатской, а не депутатской деятельности, либо со всей очевидностью демонстрировало принадлежность к адвокатскому сообществу. Сам адвокат С. последовательно утверждает, что во всех рассматриваемых случаях, включая участие в массовом мероприятии, действовал исключительно как депутат, адвокатом не представлялся и на свой адвокатский статус не ссылался, депутатские полномочия в интересах своих доверителей не использовал.

Существенно также, что в компетенцию органов адвокатского самоуправления, созданных исключительно для целей реализации полномочий, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не входит оценка поведения депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации при реализации ими депутатских полномочий. Для этого, в частности, в М. городской Думе существуют иные правовые средства и механизмы, а именно:

- «Этический кодекс депутата М. городской Думы», утвержденный постановлением М. городской Думы от 23 ноября 2005 года № 336, предусматривающий нормы добросовестной деятельности депутата, соблюдение корпоративной этики и языковые правила;

- «Регламент М. городской Думы», утвержденный постановлением М. городской Думы от 16 ноября 2005 г. № 320, которым предусмотрены меры воздействия на участников заседаний, если это вызывается необходимостью;

- «Комиссия по законодательству, регламенту, правилам и процедурам» действующая на основании постановления М. городской Думы от 19 ноября 2014 г. № 316 "Об утверждении положения о комиссиях М. городской Думы", осуществляющая, помимо прочего, контроль за соблюдением депутатами норм Регламента Думы, в том числе в заседаниях Думы.

Как правильно отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, участие С. в заседаниях М. городской Думы 30 октября 2019 года, 20 ноября 2019 года, 11 декабря 2019 года и 19 февраля 2020 года при рассмотрении вопросов о назначении мировых судей было обусловлено его полномочиями именно как депутата и не имело никакого отношения к адвокатской деятельности. Вопреки утверждениям представителя заявителя, в ходе дисциплинарного разбирательства внимательно изучены протоколы заседаний и выписки из стенограмм за вышеуказанные даты, из которых следует, что С., как и целый ряд других депутатов М. городской Думы, принимал активное участие в обсуждении кандидатур мировых судей, в том числе – задавая вопросы докладчику – председателю М. городского суда.

Как следует из содержания стенограмм, обсуждение проходило в активной рабочей обстановке, и каких-либо существенных замечаний С. сделано не было. Так, в протоколах заседаний от 30.10.2019 № 2, от 20.11.2019 № 3, от 19.02.2020 № 2 никаких замечаний в адрес депутата С. не содержится. Что касается содержания выписок из стенограмм заседания по вопросу назначения мировых судей:

- от 11.12.2019 - на ряд вопросов депутата С. председателю М. городского суда Е. об ответственности судей за вынесение заведомо неправосудного приговора, председатель Думы напомнил, что депутаты могут задавать только два вопроса подряд, либо записаться еще раз; по выступлению С. на тему о состоянии судебной системы замечаний не было;

- от 30.10.2019 - на вопрос С. о мерах ответственности судьи К. пояснение председателя Думы докладчику: *«Вопрос не имеет отношения к рассматриваемому вопросу повестки дня, поэтому ответ на Ваше усмотрение»*; вопрос С. об увеличении штатной численности судей в М. - председатель Думы: это не имеет отношения к мировым судьям;

- от 20.11.2019 - на вопрос С. председателю М. городского суда Е. об ответственности судьи К., реакция председателя Думы: прошу всех работать в рамках повестки дня и в рамках того вопроса, который мы рассматриваем.

- от 19.02.2020 - на вопрос депутата С. к председателю М. городского суда Е. об излишней строгости приговора по делу Ко. – пояснение докладчику от председателя Думы: вопрос не относится к повестке дня, на него можно не отвечать; на вопрос депутата С. о принципах назначения уголовного наказания - председатель Думы: вопрос не относится к повестке дня. Здесь же имеется запись: *«Председатель Думы: коллега С., не кричите в зале, не выступайте без микрофона, пожалуйста, соблюдайте Регламент»*. На выступление депутата С. с упоминанием того, что признания вины добиваются пытками - реакция председателя Думы: *«А какое это выступление имело отношение к повестке дня?»*. Ещё одна запись: *«Председатель Думы: ...коллега С., я прошу не вводить в заблуждение ни депутатов, ни присутствующих сегодня в зале заседаний, ни наших зрителей, которые смотрят нас в Интернете. У нас есть четкий Регламент, где прописано, как принимается решение. Я бы Вам рекомендовал еще раз посмотреть наш Регламент»*.

Совет обращает внимание на то, что ни одной предусмотренной Регламентом М. городской Думы меры воздействия за нарушение правил проведения заседаний (призыв к порядку; повторный призыв к порядку с занесением соответствующей записи в протокол; порицание; порицание с лишением слова) к депутату С. за якобы его ненадлежащее поведение применено не было, хотя ряд его коллег по работе в законодательном органе при обсуждении вопросов, внесенных в повестку дня, получили замечания за пререкания с председательствующим с повторным призывом к порядку и с занесением соответствующей записи в протокол заседания (см. выписку из протокола за 30.10.2019).

Совет также отмечает, что дисциплинарное обвинение в отношении адвоката С. в части сделанных им в заседаниях М. городской Думы заявлений, *«служащих цели создания негативного мнения о присутствующих, о деятельности судей и правоохранительных органов Российской Федерации»*, изложено в представлении совершенно неконкретно. В нём не указано, какие именно выражения, по мнению

заявителя, составляют дисциплинарный проступок и почему они были нацелены на создание негативного мнения.

Между тем подпунктами 6 и 7 п. 2 и п. 3 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что в жалобе должны быть указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, а также что лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, **должно указать на конкретные действия (бездействие) адвоката**, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката. Органы адвокатского самоуправления **не наделены правом формулирования и конкретизации предъявленного дисциплинарного обвинения**, при том, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы. Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. Москва, 2014. С.192-193*).

По этим причинам Совет не усматривает дисциплинарного проступка в действиях адвоката С. по обсуждению им в качестве депутата М. городской Думы в заседаниях 30.10.2019, 20.11.2019, 11.12.2019 и 19.02.2020 вопросов о назначении мировых судей, и принимает решение прекратить в данной части дисциплинарное производство. При этом основанием его прекращения в данной части Совет, вопреки Заключение Квалификационной комиссии, признаёт не отсутствием допустимого повода, а отсутствие в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В отношении подачи адвокатом С. депутатских запросов Совет, как и Квалификационная комиссия, учитывает, что такими полномочиями он наделён Законом города М. от 13 июля 1994 года «О статусе депутата М. городской Думы» и Закон города М. № 24 от 22 ноября 1995 года «О порядке внесения и рассмотрения депутатского запроса».

Согласно имеющемуся в дисциплинарном деле письму руководителя Аппарата М. городской Думы от 15.03.2021 № ... в адрес директора Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции РФ, в указанном Аппарате не регистрировались и не направлялись запросы и обращения депутата С. в

форме адвокатского запроса. Из того же письма следует, что депутатом С. за время его депутатской деятельности было направлено в органы государственной власти и различные организации 33 депутатских запроса.

В процессе дисциплинарного разбирательства установлено, что предметом данных депутатских запросов был самый широкий круг вопросов далеко не только юридического свойства: режим самоизоляции в период распространения коронавируса, градостроительство, обучение школьников, строительство, ремонт учебных заведений, качество питания учащихся в образовательных учреждениях, стоянки большегрузного транспорта, качество работ по устройству детских площадок, противоречия Генерального плана города М. ряду нормативно-правовых актов, необходимость прекращения деятельности мусоросжигательного завода и т.п. При этом ни в одном из этих запросов, представленных в материалы дисциплинарного производства, нет упоминаний об адвокатском статусе инициатора запроса, все они поданы депутатом С., исполнены на бланке М. городской Думы с подзаголовком «депутатский запрос» и содержат указание на то, что запрос одобрен на заседании Думы. Доказательств того, что при обращении с каким-либо депутатским запросом С. действовал в интересах лиц, которым он или его партнёры оказывали юридическую помощь как адвокаты, также не представлено.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии о том, что каких-либо запретов на направление депутатского запроса в защиту неограниченного круга лиц, а не только прав и законных интересов граждан, проживающих на территории избирательного округа депутата – автора запроса, действующее законодательство не содержит. Вопреки доводу представления, ч. 1 ст. 7 и ч. 1 ст. 8 Закона города М. № 14-60 от 13 июля 1994 года «О статусе депутата М. городской Думы» каких-либо запретов в этой части также не содержат. При этом вопрос о пределах полномочий депутата при обращении с депутатским запросом в данном контексте не относится к адвокатской деятельности и не подлежит оценке на предмет соответствия требованиям профессиональной этики адвоката.

По этим причинам Совет приходит к выводу о том, что и в данном случае дисциплинарное обвинение не находит своего подтверждения, в связи с чем дисциплинарное дело в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Переходя к доводу заявителя о привлечении адвоката С. Т. районным судом города Москвы к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, Совет отметит, что каких-либо доказательств, свидетельствующих об участии С. в данном мероприятии в качестве адвоката, в материалы дисциплинарного производства не представлено. В решении Т. районного суда города Москвы от 22 марта 2021 года по делу № ... указано, что участником несанкционированного публичного массового мероприятия

является депутат М. городской Думы С. В качестве документов, удостоверяющих личность С., помимо общегражданского паспорта, последним было представлено удостоверение именно депутата М. городской Думы, а не адвоката. Как следует из протокола об административном правонарушении от 20 февраля 2021 года № ..., в графе «место работы» в отношении С. указано «депутат М. городской Думы». В рапорте дежурного по ОМВД России по Т. району города Москвы также указано, что во время «несанкционированной публичной акции» 23 января 2021 года был задержан депутат М. городской Думы С. Аналогичная информация содержится в рапорте без даты инспектора ... отделения ООП УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве. Каких-либо данных о позиционировании С. себя как адвоката в ходе указанного массового мероприятия, а равно о каких-либо действиях, совершенных С. как адвокатом, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Давая оценку рассматриваемому дисциплинарному обвинению, Совет вновь обращается к упомянутому выше Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 г. № 02/18 «По вопросам применения п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката», и отмечает, что в представленных заявителем материалах, вопреки доводам «Возражений» представителя ГУ МЮ РФ по Москве, отсутствуют доказательства того, что поведение С. в ходе публичной акции или при его задержании носило характер адвокатской, а не депутатской деятельности, либо со всей очевидностью демонстрировало его принадлежность к адвокатскому сообществу.

Кроме того, Совет вновь подчёркивает, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления Адвокатской палаты города Москвы неукоснительно придерживаются в своей практике правила о недопустимости двойной (повторной) ответственности за одно и то же деяние.

В данном дисциплинарном деле соответствующие доводы подробно приведены в Заключение Квалификационной комиссии (с.с.16-19) и в полной мере разделяются Советом. При этом у Совета не вызывает сомнений, что по своему характеру, нормативной регламентации, порядку возложения и юридическим последствиям дисциплинарная ответственность является публично-правовой, а поэтому применение в отношении адвоката С. дополнительно к административной ответственности еще и меры дисциплинарной ответственности за те же самые действия означало бы привлечение его к двойной (повторной) публично-правовой ответственности за одно и то же деяние, что, согласно общеобязательной правовой позиции Конституционного Суда РФ, недопустимо и неприемлемо в правовом государстве (Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2021 года № 10-П, Определение от 27 февраля 2020 г. № 312-О; Постановление от 12 мая 2021 года № 17-П; Постановление от 4 февраля 2019 года № 8-П).

Согласно Федеральному конституционному закону от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской

Федерации», *«Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений»* (ст.6).

Таким образом, и в данной части в действиях адвоката С. не усматривается признаков дисциплинарного проступка.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения, изложенного в представлении ГУ МЮ РФ по Москве от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021) о прекращении статуса адвоката С. за нарушение положений п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении адвокатом С. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «YouTube» видеообращения под заголовком: *«Депутата С. уничтожают! Месть за Н.?»*, в котором он предаёт гласности документы, составляющие материалы дисциплинарного производства, и призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию и орган юстиции субъекта Российской Федерации в защиту своих прав и законных интересов, Совет отмечает следующее.

Совет не может согласиться с доводом Квалификационной комиссии о том, что требования п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката распространяются только на дисциплинарные органы адвокатских палат, но не распространяются на участников дисциплинарного производства, и исключает этот вывод из обоснования настоящего решения как ошибочный, не основанный на нормах закона и Кодекса профессиональной этики.

Вместе с тем, как справедливо отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, положения п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающие запрет на разглашение материалов дисциплинарного производства, корреспондируют п. 4 ст. 19 того же Кодекса, где указывается, что при осуществлении дисциплинарного производства принимаются меры для охраны сведений, составляющих тайну личной жизни лиц, обратившихся с жалобой, коммерческой и адвокатской тайны.

Доктринальное толкование этих норм в их взаимосвязи состоит в следующем (Пилипенко Ю.С. «Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката» - М., 2-е изд., 2013):

- *«Как правило, вся совокупность конфиденциальной информации, которая может быть задействована в ходе дисциплинарного производства, составляет адвокатскую тайну и уже по этой причине не может быть использована (разглашена) никем из лиц, участвующих в таком производстве»* (с.381);

- *«...Если дисциплинарное производство возбуждено по жалобе доверителя адвоката, в его ходе должны быть приняты все возможные меры для обеспечения полной конфиденциальности, исключаящие разглашение или иное использование кем-либо из участников указанных сведений»* (там же);

- «Норма, запрещающая разглашение материалов дисциплинарного производства, в принципе имеет не столько процессуальное, сколько материальное значение. Эта норма может предполагать ответственность адвокатов - членов Совета или участников дисциплинарного производства за действия (бездействие), которые привели к нарушению конфиденциальности» (стр. 461).

Аналогичный подход предусмотрен и «Руководством по установлению и поддержанию процедур обжалования и рассмотрения дисциплинарных вопросов», одобренным Советом Международной Ассоциации юристов (Сингапур, октябрь 2007): процедурам, принятым каждым дисциплинарным органом по рассмотрению споров, следует предусматривать меры соответствующего обеспечения конфиденциальности применительно к клиенту (п.18).

Соответственно, оценка поведения адвоката на предмет соответствия требованию п. 4 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката должна даваться с учётом того, разглашены ли им сведения, которые носят конфиденциальный характер, затрагивающий охраняемые законом интересы того или иного участника разбирательства.

Адвокат С. не отрицает факт размещения им 19 июля 2021 года в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» видеоролика, в котором им выражает своё несогласие с доводами представления ГУ МЮ РФ по Москве от 01 июля 2021 года. Однако содержание выступления адвоката С. показывает, что в нем не усматривается разглашения адвокатской или какой-либо иной охраняемой законом тайны.

Материалы, которые комментировал адвокат С. в указанном выступлении (представление Главного управления Минюста РФ по Москве и письмо Минюста РФ), касаются его самого и являются документами публичных органов исполнительной власти, выпущенными в процессе исполнения ими своих публичных полномочий. Они не относятся к сведениям ограниченного пользования и не содержат грифа, не позволяющего открыто их цитировать и сообщать содержащиеся в них сведения неограниченному кругу лиц. Эти материалы послужили поводом для принятия решения о возбуждении настоящего дисциплинарного производства, однако они не были получены в ходе этого производства.

Апеллирование к общественному мнению как форма защиты своих прав и законных интересов не запрещено действующим законодательством. Напротив, ч.4 ст.29 Конституции РФ гарантирует, что каждый имеет право свободно распространять информацию любым законным способом, а ч. 2 ст. 45 Конституции РФ гарантирует право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката С. дисциплинарного нарушения и в этой части. На этот вывод не влияет то обстоятельство, что, вопреки утверждениям адвоката С., на момент записи своего выступления он уже был уведомлен о возбуждении дисциплинарного производства.

Ссылка заявителя на то, что *«С. инициировал уже несколько десятков обращений в органы юстиции, оказывая таким образом давление на орган исполнительной власти»*, не влияет на оценку поведения адвоката С., поскольку согласно ст.33 Конституции РФ *«Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»*. Каких-либо доказательств того, что в указанных обращениях адвоката С. содержатся его высказывания, не соответствующие требованиям профессиональной этики, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Это же относится и к доводу заявителя о том, что адвокат С. *«призывает неопределенный круг лиц воздействовать на квалификационную комиссию в защиту своих интересов»*. Каких-либо данных о том, что поступившие в Адвокатскую палату города Москвы обращения в защиту и поддержку адвоката С. повлияли на выводы Квалификационной комиссии, не имеется. Совет признает, что дисциплинарное разбирательство проведено Квалификационной комиссией в соответствии с требованиями ст.19 Кодекса профессиональной этики адвоката, Комиссия правильно установила фактические обстоятельства, а её Заключение соответствует предъявляемым к нему требованиям.

По этой причине Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Вместе с тем, принимая во внимание, что представление Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве относится к числу допустимых поводов для возбуждения дисциплинарного производства, Совет считает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства, прекратив его в полном объёме вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по представлениям Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 01 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 05.07.2021) и от 23 июля 2021 года № ... (вх. № ... от 23.07.2021), в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков